

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДИСКУРСА И ТЕКСТА С ПОЗИЦИЙ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОДХОДА

А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьков)

В статье устанавливаются критерии разграничения дискурса и текст позиций интеграционного подхода. Дискурс понимается как процесс интерактивного, intersubjectного взаимодействия сознаний, направленный на конструирование языковых знаков, а текст – как материальный стимул возникновения дискурса.

Ключевые слова: дискурс, формальный, функциональный (ситуативный, семиотический) и интеграционный подходы, текст.

А.П. Мартинюк. Розмежування дискурсу і тексту з позицій інтеграційного підходу. У статті встановлюються критерії розмежування дискурсу та тексту з позицій інтеграційного підходу. Дискурс тлумачиться як процес інтерактивної, intersub'єктної взаємодії свідомостей, спрямований на конструювання мовних знаків, а текст – як матеріальний стимул виникнення дискурсу.

Ключові слова: дискурс, формальний, функціональний (ситуативний, семіотичний) та інтеграційний підходи, текст.

A.P. Martynyuk. Differentiating discourse and text on the basis of the integrational approach. This paper provides criteria of differentiating discourse and text on the basis of the integrational approach. Discourse is viewed as a subject-subject process of interaction of minds aimed at constructing language signs, while text is considered as a stimulus for such interaction.

Key words: discourse, structural, functional (situational, semiotic) and integrational approaches, text.

Несмотря на сотни определений и десятки монографий, посвященных проблеме разграничения дискурса и текста, эти два противопоставляемых друг другу феномена во многом продолжают оставаться “неопознанными объектами”. В подавляющем большинстве случаев лингвисты работают с письменными текстами (художественным, публицистическими, газетными, научными, деловыми и т.д.). И каждый раз, возводя текстовый объект анализа в ранг дискурса, лингвист испытывает затруднения, пытаясь найти обоснования этому “чудесному превращению”.

По всей видимости, причина такого состояния дел кроется в том, что утвердившиеся в современных лингвистических студиях дихотомии, используемые для разграничения текста и дискурса, не затрагивают ядерных признаков соответствующих понятий, отражающих природу рассматриваемых явлений. Это приводит к тому, что проблема критериев разграничения текста и дискурса не теряет своей а к т у а л ь н о с т и . Принципиально н о в ы е методологические основания решения проблемы предлагает активно формирующаяся в настоящее время

интеграционная теория языка, что и определяет цель нашей статьи – установить основания разграничения дискурса и текста с позиций интеграционного подхода.

Критерии размежевания текста и дискурса различаются в зависимости от того, с каких методологических позиций – формальных или функциональных – определяется дискурс. Формальный и функциональный подходы разнятся по характеру *обоснования*, т.е. связи сущности с ее онтологическими основаниями [32, с. 198]: структурное представление языка в виде уровней *обосновывается* конститuentами этих уровней, а функциональное – способами взаимодействия между единицами, выполняющими определенную функциональную роль, и контекстом [32, с. 198]. В силу этого функциональное по своей сути отношение языка к миру в дискурсе не является заданным, статичным [18, с. 142]; “оно постоянно создается и поддерживается коммуникантами, поскольку выполняет определенную функцию” [32, с. 205], и эта функция варьирует в зависимости от контекста дискурса.

Понятие контекста составляет главный предмет разногласий формалистов и функционалистов. При формальном подходе контекст ограничен другими языковыми единицами, а при функциональном он включает ментальный и социальный “жизненный мир” коммуникантов [18, с. 140].

Формальное представление о дискурсе как о “языке выше уровня предложения” (“*language above the sentence or the clause*” [35, с. 1]) реализуется в такого рода определениях: “Под дискурсом <...> будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи” [11, с. 10]; “дискурс – текст связной речи, состоящий из последовательности коммуникативных единиц языка, превышающих по объему простое предложение, которое находится в смысловой связи, выраженной лингвистическими средствами” [5, с. 19]. Подобное толкование порождает противопоставления *письменный текст :: устный дискурс, монологический текст :: диалогический дискурс*, которые, впрочем, легко преодолеваются при более глубоком проникновении в суть анализируемых явлений.

Первое противопоставление носит упрощенный характер, так как сводит весь объем рассматриваемых понятий к двум формам языковой деятельности, а второе – условный, так как любая речевая деятельность, в том числе и монологическая, диалогична по природе, как, собственно, и язык, и сознание [2, с. 303-306].

При функциональном подходе дискурс трактуют широко, подводя под это понятие все, что говорится или пишется ([3, с. 3]; см. также [7, с. 225-227]). Другими словами, дискурс трактуется как речевая деятельность, реализующаяся в письменной, устной (диалогической, полилогической, монологической) или паралингвистической форме, и непосредственно данная исследователю в виде языкового материала (за Л.В. Щербой) в звуковой, графической или

электронной репрезентации. Такое широкое понимание дискурса довольно распространено в лингвистике и является нормой в психологии и философии [22, с. 20-21]. При этом текст понимается как “языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического)” [4, с. 5-6].

Однако, функциональное направление анализа дискурса неоднородно, что позволяет Д. Шифрин разделить его на два подхода: “умеренный” и “экстремальный” [34, с. 1-2]. Умеренный подход направлен на изучение функций языкового знака в широком социокультурном контексте, вследствие чего его также называют ситуативным [22, с. 22-23]. Экстремальный подход рассматривает дискурс как социальные практики лингвистического и нелингвистического характера, в основе которых лежит идеология или культурные различия [34, с. 1-2], и именуется семиотическим [18, с. 141].

Узкий вариант ситуативной трактовки дискурса как всякого употребления языка (“the study of discourse is the study of any aspect of language use” [31, с. 65]; “the analysis of discourse is necessarily the analysis of language in use” [30, с. 1]) ложится в основу разграничения предложения как единицы текста и высказывания как единицы дискурса; см. например: “Предложение – обычный для нас элемент структуры. Высказывание объединяет в себе как само предложение, так социальный контекст его использования. На высшем уровне те же отношения повторяются в тексте и дискурсе” [21, с. 75].

Это разграничение обуславливает дихотомию *дискурс-как-процесс :: текст-как-продукт*: “Дискурс – более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (=текст)” [26, с. 307]. Такая трактовка влечет за собой противопоставление дискурса и текста в терминах *функциональность :: структурность, динамичность :: статичность, актуальность :: виртуальность*. Названные дихотомии перечисляют характеристики рассматриваемых явлений, но не вскрывают их конститутивных признаков, отсутствие которых превращало бы их в сущности иного порядка.

Собственно ситуативная интерпретация дискурса проявляется в учете социальных, психологических и культурных факторов ситуативного контекста коммуникации. Дискурс и текст тут разграничиваются на основе понятия ситуации. Дискурс рассматривают как “текст плюс ситуация”, а текст, соответственно, – как “дискурс минус ситуация” [33]. Данная посылка имплицитно содержится во многих аналогичных определениях: “Дискурс – единство и взаимодействие текста и внелингвистических условий и средств его реализации” [6, с. 183]; “дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так

экстралингвистическими планами” [14, с. 113]; “определяем дискурс как интегральный феномен, как мыслекоммуникативную деятельность, предстающую как совокупность процесса и результата и включающую экстралингвистический и собственно лингвистический аспекты; в последнем, помимо текста, выделяем пресуппозицию и контекст (прагматический, социальный, когнитивный), обуславливающий выбор языковых средств” [28, с. 37]. Подобное понимание отражено и в “Лингвистическом энциклопедическом словаре” Н.Д. Арутюновой, которая трактует дискурс как “Связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами” [29, с. 136].

В рамках функционального подхода существует и несколько иная интерпретация связи текста и дискурса. Так, М.Я. Дымарский рассматривает дискурс как “способ передачи информации, а не средство ее накопления и умножения; дискурс не является носителем информации” [8, с. 40], и именно в этом он видит его отличие от текста.

Данное понимание соприкасается с концепцией Чан Ким Бао, опирающейся на методологию восточной лингвистической школы. Дискурс и текст тут представлены как взаимопроникновение двух противоположных сторон одной сущности – инь и ян, где текст является потенциалом (инь), а дискурс – реализацией этого потенциала в речевой деятельности (ян). При этом учитываются все лингвистические и экстралингвистические факторы, участвующие в организации и функционировании текста как средства речевого общения, а также утверждается, что и текст, и дискурс обладают такими характеристиками, как линейность и объемность [27, с. 3-7].

Развивая положения инь-ян концепции и отталкиваясь, в частности, от положения об объемности и линейности текста и дискурса, Ю.Е. Прохоров определяет дискурс и текст с помощью геометрического понятия фигуры как множества, которое можно представить из конечного числа точек, линий или поверхностей. В интерпретации исследователя реальная коммуникация содержит три “неслиянные, но и нерасторжимые составляющие”: материальную фигуру коммуникации – действительность как совокупность материальных условий осуществления коммуникации; экстравертивную фигуру коммуникации – дискурс как совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации; а также интровертивную фигуру коммуникации – текст как совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности [22, с. 34-35].

Принципиальное отличие этих концепций от других функциональных теорий проявляется в том, что текст здесь представлен не как материальный носитель, а скорее как информационная база, на основании которой возможно дискурсивное взаимодействие

субъектов. Нельзя не признать, что тексты действительно поставляют информацию о мире. Однако, данные когнитивной и психолингвистики говорят о том, что “совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности” явлена в сознании не в виде текстов, а в виде структурированных иерархически организованных единиц информации.

Когнитивисты представляют информационные структуры как иерархию базы данных, включающую концептосферу (все анализируемое понятийное пространство) → домен (информационный узел в пределах концептосферы) → парцеллу (узел в пределах домена) → концепт (конституент парцеллы, обозначенной отдельным словом или иной языковой единицей). Модель базы данных подают в виде фрейма как структуры, концентрирующей информацию в узлах (слотах) и реляционных дугах, соединяющих эти узлы и “пронизанных пропозициями” [9, с. 5]. Психолингвисты используют понятие информационной базы как чрезвычайно сложной системы “многоярусных многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, об их оценке индивидом и т.п., как об особенностях обозначающих их вербальных единиц” [10, с. 428]. Базовой единицей информационной базы является концепт, а доступ к базе осуществляется с помощью слова – имени концепта. При восприятии первого слова нового сообщения, не подготовленного контекстом или ситуацией, предшествующий опыт индивида определяет некоторый угол зрения для установления связи между слышимой или читаемой словоформой и хранящейся в памяти информацией – внутренним контекстом (перцептивно-когнитивно-аффективным), который соотносится с внешним контекстом (текстовым – вербальным или ситуативным) [там же, с. 419-436]. При всех разночтениях лингвисты и когнитивного, и психологического направления отдают роль базовой единицы структурированного знания, позволяющей связать смысл с единицей языка, которая вербализирует его в тексте/дискурсе, концепту.

С позиций семиотического подхода контекст дискурса понимается в социально-идеологическом смысле. Он включает отношения власти, политические взгляды и убеждения коммуникантов. В фокусе внимания исследователей оказываются “дискурсивные практики” как тенденции в употреблении близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного идеологического смысла [18, с. 144].

Семиотическую трактовку дискурса предлагает Ю.С. Степанов: “Дискурс – это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей грамматики и своего лексикона, как язык просто. Дискурс существует прежде

всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир” [24, с. 676].

Семиотический подход легко укладывается в формулу “стиль плюс идеология” [18, с. 144], которая несомненно отражает суть дела, но нисколько не помогает решению проблемы критериев разграничения текста и дискурса, а даже наоборот. отождествление дискурса со стилем возвращает нас к сомнениям по поводу необходимости введения понятия “дискурс” при наличии понятия “стиль” (вариант решения проблемы см. в [23, с. 30-31]).

Представляется, что проникнуть в природу дискурса позволяет методология интеграционного подхода к изучению языка, когнитивного по сути и деятельностного по стилю мышления, который коренным образом меняет традиционные (репрезентационные) представления о предмете лингвистики [1; 12; 13; 15; 19; 25].

Представители интеграционной теории языка понимают языковой знак как материальную сущность, априорно данную сознанию субъекта через органы чувственного восприятия. Единственным отличием языкового знака от другой материальной сущности есть то, что его источником есть сознание другого субъекта. Это обстоятельство с необходимостью предполагает взаимодействие между субъектами (вернее их сознаниями). Отсюда вытекает несколько важных обстоятельств. Во-первых, поскольку значение никогда не покидает сознания и не составляют части материального тела знака (М.В. Никитин писал об этом еще в 1988 году [20, с. 16]), его передача от субъекта к субъекту в готовом виде невозможна. Получение слушателем / читателем формы имеет место, а “получение” смысла – нет [1, с. 167]. Во-вторых, поскольку знаки не несут значения (ни на каком уровне единства формы и содержания знака не существует), а индуцируют тождественные или сходные информационные состояния в сознаниях отправителя и воспринимающего [17, с. 119], “понимание” становится возможным за счет достижения сознанием воспринимающего субъекта состояния, сходного с состоянием субъекта-отправителя знака. “Понимание содержания знака есть описание <...> состояния того, кто описывает” [16, с. 169]. Основанием для “понимания” содержания знака является присущее субъекту как социальному существу *феноменологическое свойство интерсубъективности*, т.е. способности разделять ментальные и эмотивные состояния. “Более сложные состояния отправителя сообщения соответствуют множествам состояний, которые, в свою очередь, соответствуют значениям отдельных слов, входящих в сообщение (текст). Таким образом, возникает и постоянно действует в ходе коммуникации результирующее состояние, которое целесообразно назвать дискурсом” [1, с. 162].

Изложенные положения приводят к пониманию языкового знака как формы, наполняемой значением только в процессе непосредственного вербального и ментального интерактивного взаимодействия субъектов (вернее их сознаний) “в универсуме интерсубъектного дискурса как части материального мира” [12, с. 153]. “С точки зрения интеграциониста, не существует единой системы языковых символов, неподвижно сидящей в сознании <...> Не существует области языкового, аккуратно поделенной на отделы, а пользование языком заключается в творческом наделении определенных феноменов семиотической значимостью в целях осуществления значимых операций над миром в соответствии с потребностями непрерывного потока уникальных коммуникативных ситуаций в реальном времени” [15, с. 115].

Дискурс, соответственно, понимается не просто как деятельность/взаимодействие во всем многообразии социальных контекстов, но как психический процесс интерактивного взаимодействия сознаний, направленный на конструирование языковых знаков.

Такое понимание фактически решает проблему разграничения текста и дискурса. Предлагаемая трактовка текста и дискурса не отрицает, а только подтверждает наличие между ними различий, зафиксированных в терминах приводимых выше дихотомий, но при этом дает принципиально иное толкование сути этих феноменов. Наличие текста как материального предмета, отличающегося от другого материального предмета только тем, что он является продуктом деятельности человеческого сознания, представляет собой основное условие возникновения дискурса. Дискурс рождается в тот момент, когда текст попадает в зону внимания интерпретатора, который принимается за чтение или же слушание текста в реальном времени. Попадая в зону внимания интерпретатора, текст стимулирует в его сознании состояния, сходные с состояниями отправителя, что порождает схожие смыслы и ассоциации. В этот момент происходит интерактивное взаимодействие двух сознаний: субъект, замкнутый в кононе собственного сознания на самого себя [17, с. 124], получает доступ к сознанию другого субъекта через интерпретацию его состояний, запечатленных в тексте. В результате интерактивного взаимодействия двух сознаний формы языковых выражений текста наполняются смыслом, а сам процесс интеракции и есть дискурсом.

Перспективы работы усматриваем в использовании полученных выводов в дальнейших исследованиях текста и дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов И. К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания / И. К. Архипов // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – С. 157-171.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Бахтин М. М. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
3. Богданов В. В.

Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / Богданов В. В. – Л.: ЛГУ, 1990. – 88 с.

4. Богданов В.В. Текст и текстовое общение / Богданов В. В. – СПб.: Наука, 1993. 5. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса / Борботько В. Г. – Грозный: ЧИГУ, 1981. – 113 с. 6. Вишнякова О. Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка) / Вишнякова О. Д. – М.: МАКС Пресс, 2002. 7. Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности / Горелов И. Н. – Таллин: Валгус, 1987. – 190 с. 8. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв.) / Дымарский М. Я. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 9. Жаботинская С. А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики: интегративный подход / С. А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2003. – № 848. – С. 3-10. 10. Залевская А. А. Психолінгвістическіе исследования. Слово. Текст: Избранные труды / Залевская А. А. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с. 11. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / Звегинцев В. А. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 307 с. 12. Кравченко А. В. Является ли язык репрезентативной системой? / А. В. Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 135-156. 13. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации Кравченко А. В. – [изд-е 2-е, исправл.]. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. – 206 с. 14. Красных В. В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? / Красных В. В. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 375 с. 15. Лав Н. Когниция и языковой миф / Н. Лав // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 105-134. 16. Мамардашвили М. К. Символ и сознание (метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке) / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1997. 17. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // *Язык и интеллект*; [пер. с англ.]. – М.: Прогресс: Универ., 1996. – С. 95-142. 18. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект: [монография] / Морозова Е. И. – Харьков: Экограф, 2005. – 300 с. 19. Морозова О. І. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови): автореф. дис. на здобуття наук ступеня доктора філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.І. Морозова. – К., 2008. – 32 с. 20. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / Никитин М. В. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с. 21. Почепцов Г. Г. (мол.) Теорія комунікації / Почепцов Г. Г. (мол.). – К.: Наукова думка, 1996. – 175 с. 22. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: [учебное пособие] / Прохоров Ю. Е. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с. 23. Самохина В. А. Современная англоязычная шутка: [монография] / Самохина В. А. – Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2008. – 356 с. 24. Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка / Степанов Ю. С. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с. 25. Фролова І. Є. Стратегія конфронтації в англійському дискурсі: [монографія] / Фролова І. Є. – Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – 344 с. 26. Фундаментальные исследования современной американской лингвистики / [под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной]. – М.: МГУ, 1997. 27. Чан Ким Бао. Текст и дискурс (через призму иньянь-концепции) / Чан Ким Бао. – М.: Творчество, 2000. 28. Шевченко І. С. Дискурс як мислєкомунікативне образование / І. С. Шевченко, Е. І. Морозова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С.33-38. 29. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [под общей ред. В. Н. Ярцевой]. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с. 30. Brown G. Discourse analysis / Brown G., Yule G. – Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1983. – 288 p. 31. Fasold R. Sociolinguistics of language / Fasold R. – L.; N.Y.: Longman, 1990. – 201 p. 32. Harder P. Partial autonomy: Ontology and methodology in cognitive linguistics / P. Harder // *Cognitive linguistics: Foundations, scope, methodology*. – [Ed. By Th. Janssen, G. Redecker]. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. – P. 195-222. 33. Ostman J.

Discourse analysis / J. Ostman, T. Virtanen // Handbook of pragmatics: Manual. – Amsterdam, Phil. : John Benjamins, 1995. – P. 239-253. 34. Shiffrin D. Approaches to discourse / Shiffrin D. – Oxford; Cambridge : Blackwell, 1994. – 470 p. 35. Stubbs M. Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language / Stubbs M. – Oxford : Blackwell, 1983. – 272 c.

© А.П. Мартынюк, 2009